

Особый вид синонимии наблюдается при употреблении слов нейтральной речи и их эквивалентов из разряда «секретной лексики» (см. § 281).

§ 279. Омонимы в ягнобском языке встречаются сравнительно редко, в основном среди лексики, заимствованной из таджикского: *čak*₁ 'густой' — *čak*₂ 'жеребий' — *čak*₃ 'схватывание'; *čank*₁ 'пыль' — *čank*₂ 'лапа'; *dam*₁ 'вздых' — *dam*₂ 'лезвие'; *kūr*₁ 'слепой' — *kūr*₂ 'могила'; *rođa*₁ 'нога' — *rođa*₂ 'стадо'; *tana*₁ 'ствол' — *tana*₂ 'сметана'.

§ 280. В ягнобской фразеологии преимущественно встречаются глагольно-предикативные сочетания и очень редко субстантивные.

Большинство фразеологических выражений имеет эквиваленты в окружающих таджикских говорах, что наводит на мысль о возникновении многих ягнобских фразеологизмов путем калькирования с таджикского. Однако это только гипотеза, ибо в условиях Ягноба и верховьев Зеравшана нельзя забывать и о субстратных явлениях, т.е. о воздействии согдийского языка на таджикский.

Ниже даны примеры употребления различных фразеологических сочетаний в предложениях: *ruyi dil-im išči* 'у меня изжога'; *ax tox nazari nanosči* 'он нас недолюбливает'; *xepi-š xūtni awīd* 'он притворился спящим'; *pūstaki dūx dihtišt* 'он сильно воображает'; *sarapuči wōftišt* 'он говорит ерунду'; *badan-im wafrāk suxāsta* 'у меня на теле появилась гусиная кожа'; *dimōy-im rus^tvīta-x* 'у меня нос заложило'; *tākā-š dōrta nīssta-š* 'он сидит надувшись'; *i xari gar adīhi* 'ты сказал глупость'; *šāl^t parr avīm* 'я очень устал'; *nahāwi tim xap-iš odam ikta (odam-š nōta)* 'этот тоже строит из себя взрослого'; *Wešabi xšapi gudōrta išt* 'ты не видел ничего хорошего' (букв. 'ты ночью прошел /селение/ Вешаб'),⁹².

§ 281. В речи ягнобцев встречаются слова, относящиеся к так называемой секретной лексике. обстоятельное объяснение причин возникновения этих слов дано С.И. Климчицким⁹³. Он приводит список около 50 слов «секретной лексики», который теперь дополнен материалами М.С. Андреева, Е.М. Пещеровой, М.Н. Боголюбова и автора этих строк.

«Секретная лексика», или, как еще говорят, «секретный язык», включает в себя «условные или изобразительные слова», употребляющиеся либо в пределах определенных половозрастных групп, либо в тех случаях, когда ягнобские слова по звучанию близки или совпадают с таджикскими — для затруднения понимания ягнобской речи окрестным таджикоязычным населением,⁹⁴.

Слова и выражения, дополняющие существующий список лексики «секретного языка», помещены в словаре и снабжены пометой «секр.» (см. ниже).

В данном разделе мы ограничимся несколькими примерами употребления «секретных» слов и выражений во фразах: *diron nosomišt ničamta šawomišt wayš rūrom* 'я возьму серп, пойду на сенокос, накошу травы' (*ničamta* < *ničamna* — причастие наст.вр. глагола *ničam-*, который теперь уже не употребляется); *nūči nūva nākun* 'не болтай чепухи' (в обычной речи *nūva kun-* 'выть', *nūci* 'низкий', 'вниз'); *xišōyna nūči pāštiš* 'она плохо печет хлеб' (*xišōyna* — причастие наст.вр. глагола *xišōy-* 'жевать'); *hōzir puškāra kunīm, ke* 'сейчас поедим, тогда' (в обычной речи *puškāra kun-* 'жевать', если речь идет о животных); *nos, puškāray hāri vu* 'бери, ешь'; *piyōla dih unxōy* 'принеси пиалу' (букв. — 'ударь, разбей пиалу'); *vésimišt kūrpa vtm* 'мы спустимся и ляжем спать' (в обычной речи *kūrpa* 'толчок', 'подталкивание'); *hārra nhāvu!* 'не ври!' (в обычной речи *hārra vu-* 'срываться').

В настоящее время «секретный язык», как таковой, потерял свое значение, ибо большинство слов этого разряда лексики употребляется и в обычной ягнобской речи. Скорее всего мы можем говорить теперь о жаргонной лексике, возникшей на базе «секретного языка».

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование именных частей речи

§ 282. Именное словообразование в современном ягнобском языке развито слабо, ибо основное пополнение словарного состава осуществляется путем заимствований из таджикского языка.

Словосложение

Основные модели копулятивного словосложения:

а) существительное + связка *-at (-ad)*⁹⁵ + существительное-существительное: *bod-at-havo* 'климат' (*bod* 'ветер', *havo* 'воздух', 'погода'), *mol-ad-ḡoy* 'скот' (*mol* 'мелкий рогатый скот', *ḡoy* 'корова'), *ḡul-ad-band* 'сбруя' (*ḡul* 'попона', *band* 'завязка'), *dilaḡūš* < *dil-ad-ḡūš* 'потроха' (*dil* 'желудок', *ḡūš* 'ухо');

б) редупликация основы с добавлением согласного *p-* во втором элементе, если основа начинается с гласного, или с заменой начального согласного основы на *p-* или на *m-* (если начальный согласный основы — *p-*): *aḡqót-paḡqót*, *yáḡa-páḡa*, *asp-rasp*, *wayš-payš*, *ḡūta-rūta*, *pūlla-mūlla* и т.д. Этот способ словосложения весьма продуктивен.

Таким путем, так же как и в таджикском языке, образуются существительные с оттенком собирательности, обобщения, экспрессивности. Это хорошо прослеживается на следующих примерах: *kūsi-sári anīdim aḡqót-paḡqót axóárim* 'сели мы на крыше, поели всякой еды'; *pūlla-mūlla-š ast?* 'вообще дети у него есть?'; *peštár magazin-pagazin nátoy* 'раньше вообще /никаких/ магазинов не было'; *ḡóbi (avári) ḡūjin-pūjin?* 'что ты принес, масло там всякое?'; *asp-rasp agár vot...* 'если будет лошадь или что-нибудь еще...'; *buz-ruz-iš xast?* 'есть у него коза или что-нибудь другое?'; *ḡūta-rūta-š xast?* 'есть у него вообще сын?'; *ḡóla-póla návot* 'не было бы града или чего-нибудь еще'.

В ягнобской речи практически допустимо образование копулятивных словосложений такого рода почти от любой именной основы. Поэтому было бы возможно правильное не относить это явление к области словообразования, а считать своеобразным грамматическим средством выражения категории собирательности, обобщения. Вопрос этот проблематичен. Он касается не только ягнобского языка, но прежде всего языка таджикского, где подобные образования многообразнее.

По принципу копулятивного сложения построены и слова *diodih* 'драка' и *ritórit* 'впереди', 'вперед'. В них мы наблюдаем

редупликацию основ с соединительной связкой *-o-*. Эти слова являются кальками таджикских слов *zapozani* 'драка' и *rešoréš* 'впереди', 'вперед'.

§ 283. Основные модели детерминативного словосложения:

а) существительное (определение) + существительное (определяемое) = существительное: *izmḡūna* 'сарай для дров' (*izm* 'дрова', *ḡūna* 'дом'), *rūtadárd* 'запор' (*rūta* 'кишка', *dárd* 'боль'), *xšiftsár* 'сливки' (*xšift* 'молоко', *sar* 'верх', 'верхняя часть'), *šicaḡotk* 'воробьиное гнездо' (*šica* 'воробей', *ḡotk* 'гнездо'), *wáfirlūnda* 'снежок' (*wáfir* 'снег', *lūnda* 'комоч');

б) существительное + причастие прош.вр. = существительное: *raxpéta* 'разиня' (*rax* 'рот', *péta* — причастие прош. вр. глагола *rep-* 'открывать'), *sarpéta mošin* 'машина с открытым кузовом'.

Словопроизводство

Продуктивные словообразующие суффиксы

§ 284. *-a* — неударный суффикс, участвующий в образовании существительных путем сращения (§§ 291-292).

§ 285. *-á* — ударный суффикс, участвующий в образовании существительных путем сращения (§§ 291-292).

✓ § 286. *-ak* — безударный суффикс со значением уменьшительности, ласкательности: *pūlla* 'ребенок' — *pūllak* 'ребеночек'; *ḡūta* 'сын' — *ḡūtak* 'сынок'.

✓ § 287. *-akí* — суффикс, образующий имена деятелей от основ существительных: *wayšakí* 'человек, несущий траву'.

✓ § 288. *-ina* — суффикс, образующий относительные прилагательные от основ — существительных: *loy* 'глина' — *loyina* 'глиняный'; *dork* 'дерево' — *dorkina* 'деревянный'.

§ 289. *-ik* — неударный суффикс, образующий имена с притяжательным значением от любой именной основы (при этом местоименные словообразовательные основы всегда выступают в форме косвенного падежа): *man šumóxik asaraká anipitšim* 'я ваше снова написал (речь идет о записи)'; *iš tákik*

Hasánik-x 'один нижний, Хасана'; *iš kat mánik-x* 'этот дом мой'; *idókayik?* 'здешний?'; *Navobótik xoy šumóx-séči* 'Новобадский был выше вас'; *táwik kũ-x?* '/а/ где твой?'; *tapartá kalxósik tim xast* 'разный колхозный тоже есть'; *kay kort-x?* - *Soléhik* 'чей нож? — Солеха'; *káyik anídi?* - *Qosímiki anídim* 'у кого /в доме/ ты остановился? — я остановился /в доме/ у Касыма'; *horirikt-š notuyri wovóšt* 'теперешние неправильно говорят (о языке)'.

Как видно из приведенных примеров, имена на *-ik* по грамматическим признакам скорее всего можно отнести к существительным, а не к прилагательным, как это считалось до сих пор⁹⁶. Во-первых, эти имена, в противоположность прилагательным, никогда не выступают в роли определений. Во-вторых, они, как и обычные существительные, склоняются и даже могут, правда очень редко, изменяться в числе. В предложении имена на *-ik* выступают в функциях предикатива, прямого и косвенного дополнений и определяемого. На русский же язык их удобнее переводить притяжательными или относительными прилагательными. Возможности образования имен при помощи суффикса *-ik* неограниченны. Поэтому в речи ягнобцев нередко экспромтом возникают подсказанные речевой ситуацией слова с этим суффиксом, которых нет в лексическом фонде.

Непродуктивные словообразующие суффиксы⁹⁷

§ 290. К числу непродуктивных словообразующих суффиксов относятся следующие:

- а) суффиксы имен существительных: *-don*, *-ik*, *-ič*, *-č*, *-anč* (*-an*), *-ok*, *-oč*;
- б) суффиксы имен прилагательных: *-nóka*, *-noyk*, *-čik*, *-ča*, *-či*, *-ča*.

При помощи суффикса *-ča* образовывались также названия, указывавшие на происхождение лица из какой-либо местности: *piskónča* 'писконец', *čarménča* 'гармонец' (ср., однако, *worsowudí* 'ворсовудец', *dumzoyí* 'думзоец', *vačinzoyí* 'вагинзоец').

Сращение

§ 291. Сращение — это особый, усложненный способ словообразования существительных. Суть его состоит в том, что новое слово образуется при помощи суффиксации или субстантивации на базе целого (разложимого или неразложимого) словосочетания⁹⁸.

В ягнобском языке мы встречаемся с двумя типами сращений.

Первый тип: в основе сращения, образованного при помощи суффиксации, лежит именное словосочетание, точнее сочетание двух существительных: *divarsára* (< *divári sar* = -a) 'верхняя часть двери'; *divarpahlúya* (< *divári pahlu* + -a) 'боковая часть двери'; *noixána* (*nówi xan* + -a); 'ручей, по которому вода подводится к мельнице'; *kirraknáysa* (*kírraki nays* + -a) — прозвище человека с тонким длинным носом.

§ 292. Второй тип: в основе сращения, образованного при помощи суффиксации, лежит глагол с дополняющими его словами, т.е. глагольное словосочетание: *oloituxóya* 'пожарник' (*olów* 'огонь', *tuxóy* 'убивать', -a — суффикс); *dirotteskára* 'брусочек для точки серпа' (*dirót* 'серп', *tez kun* 'точить'); *aldakára* 'обманщик' (*aldá kun* 'обманывать'); *vičnagúra* 'человек, который косит траву «вигну»'; *čiročdūnovozonkará* 'провода, на которой подвешивается лампа к потолку' (*čiročdūn* 'лампа', *ovozón kun* 'подвешивать'); *sinčinmúna* 'чехол для хранения иголок' (*sinčin* 'игла', *mūn* 'класть').

Словообразование глагола

§ 293. В настоящее время основной способ пополнения состава ягнобской глагольной лексики — заимствование глагольных основ из таджикского (§ 273).

Образование переходных глаголов

§ 294. Как и в таджикском языке, основы переходных глаголов образуются при помощи суффикса *-on* (*-ūn*), присоединяемого к основе первичного (переходного или непереходного) глагола:

<i>puks-</i>	‘вариться’	— <i>puksón</i>	‘варить’
<i>xaš-</i>	‘тащить’	— <i>xašón</i>	‘перетаскивать’;
<i>budúfs-</i>	‘липнуть’	— <i>budúfsón-</i>	‘прилеплять’;
<i>čukáyr-</i>	‘пугаться’	— <i>čukayrón-</i>	‘пугать’;
<i>daw-</i>	‘бежать’	— <i>dawón-</i>	‘погонять’.

Некоторые глагольные основы вообще не употребляются без суффикса *-on* (*-ūn*): *qožūn* ‘пить большими глотками’, *širiqqūn* ‘скрипеть’, *mižūn* ‘шевелить’.

В очень редких случаях при помощи суффикса *-on* образуются понудительные глаголы: *roy-* ‘плакать’ — *royón-* ‘заставлять (вынуждать) плакать’; *šiy-* ‘шить’ — *šiyón-* ‘заставлять шить’.

Сложные глаголы

§ 296. Сложные глаголы, как в таджикском языке, образуются сочетанием существительного с глаголом. В таких сочетаниях наиболее употребительны следующие глаголы:

kun- ‘делать’: *ark kun-* ‘работать’, *furūmič kun-* ‘забывать’;
vu- ‘делаться’, ‘становиться’: *hárra vu-* ‘срываться’, *bažó vu-* ‘прятаться’, *yáxši vu-* ‘показываться’, ‘появляться’;
dih- ‘бить’: *gab dih-* ‘говорить’, *qurt dih-* ‘глотать’, *likát dih-* ‘лягаться’;
dor- ‘держать’: *čak dor-* ‘схватывать’, *žuš dor-* ‘слушать’;
tifár- ‘давать’: *žawóp tifár-* ‘отвечать’, ‘отпускать’; *fothá tifár-* ‘благославлять’;
nos- ‘брать’: *kipáš nos-* ‘обнимать’, *dam nos-* ‘отдыхать’;
yod nos- ‘запоминать’, ‘заучивать’;
xaš- ‘тащить’: *azóp xaš-* ‘мучиться’.

В образовании ряда сложных глаголов участвуют также глаголы *xoar-* ‘есть’ (*žam xoar-* ‘печалиться’), *wen-* ‘видеть’ (*tayorí wen-* ‘готовиться’), *ūr-* ‘приносить’ (*šuk ūr-* ‘молчать’).

В ягнобской речи допустимо образование и употребление многих сложных глаголов, представляющих собой кальки соответствующих таджикских сложных глаголов (§ 274).

Приставочный глагол *bardiḥ-*

§ 297. *bardiḥ-* ‘засучивать рукава’ (< *dih-* ‘бить’ + приставка *bar-*) единственный приставочный глагол в ягнобском языке, является скорее всего калькой таджикского глагола *barzadan*, имеющего то же самое значение.

РАЗЛИЧИЯ ПО ГОВОРАМ

Почти через 30 лет после первого знакомства с ягнобским языком было обнаружено, что этот язык имеет говорные разновидности. Впервые на это обратил внимание К.Г. Залеман. В своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1898 году он писал: «2-го сентября ко мне был приведен молодой ягнобец, по имени Шах Махмат, который сначала сильно трусил, но вскоре стал более доверчивым. С ним я занимался по 13-е сентября по примененной в Оше программе, проверил и собрал материалы по грамматике и словарю и записал несколько переводных текстов. От него же я узнал, что непонятный для таджиков ягнобский язык имеет два наречия или говора — факт остававшийся не известным для прежних исследователей»⁹⁹.

Некоторые результаты работы К.Г. Залемана по выявлению говорных различий отмечены В. Гейгером: «По сведениям информанта Залемана, ягнобский язык распадается на два говора. Установление различий между ними остается делом будущего. В “Ягнобских этюдах” Залемана я нашел многочисленные рукописные поправки, часть которых, по всей видимости, основывается на диалектных различиях. Так, часто дифтонг *ai* материалов Куна исправлен на *ē*, *ī*: *waiš-wēš* ‘трава’, *apiraiž-apirēž* ‘он убежал’. Вместо формы на *-tišt* (3-е л. ед. ч. наст. вр.) часто вставляется форма на *-či*: *kuntišt-kunči* ‘он делает’, *tirtišt-tirči* ‘он уходит’; вместо формы на *-ārtišt* (3-е л. мн. ч. наст. вр.) форма на *-āšt*: *nidārišt-nidāšt* ‘они садятся’, *warārišt-warāšt* ‘они несут’. Говорные соответствия одного и того же слова представлены в *darās* и *dirāt* ‘серб’»¹⁰⁰.

Схематичная характеристика говоров ягнобского языка была дана Р. Готью. Французский исследователь выделяет два основных говора — восточный и западный, кото-